

Александр Остропико

*Легенда
о гимназии*

Александр Остропико

Легенда о гимназии

«Издательские решения»

Остропико А.

Легенда о гимназии / А. Остропико — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502017-8

Когда-то давно, на рубеже тысячелетий, были те, кто называл себя гимназистами. Они сидели на уроках и развлекались на переменах, с кем-то дружили и с кем-то враждовали — словом, вели себя как обычные гимназисты и, кажется, ничего в них не было легендарного. Но они и не главные герои этой легенды. Герои здесь — учителя старших классов. Учителя, которые должны быть, могли быть, а может, были: приветствуется любое совпадение с реальностью.

ISBN 978-5-00-502017-8

© Остропико А.
© Издательские решения

Содержание

Легенда о гимназии	6
Первый урок. Математика	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Легенда о гимназии

Александр Остропико

© Александр Остропико, 2019

ISBN 978-5-0050-2017-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Легенда о гимназии

...я пришёл не для того, чтобы учить вас, а для того, чтобы у вас научиться. Моё неукротимое желание заключается вовсе не в том, чтобы написать историю Ордена (на это была бы не способна и целая армия вооружённых всем необходимым учёных), но в том, чтобы просто рассказать историю нашего путешествия. Однако мне не удаётся даже подступиться к ней. И дело не в моих литературных способностях, мне думается, ими я обладаю, хотя никаких амбициозных целей в данном случае не преследую. Нет, речь идёт о другом: действительности, свидетелями которой стали я и мои товарищи, уже не существует, и, хотя воспоминания о ней – самое ценное и самое живое из всего, что у меня есть, они кажутся мне такими далёкими, такой неведомой фактуры, как будто дело происходило на других звёздах в другие тысячелетия или как будто это мой горячий бред.

Г. Гессе, Путешествие к земле Востока

В конце восьмого класса меня выгнали из школы. Эта история, возможно, занимательная и поучительная, но повторять её во всех подробностях мне не хочется даже на бумаге. Как-нибудь в другой раз. Вкратце: я настучал по чайнику внуку директора и некоторым его при-спешникам. Поверьте, за дело. Случилось это не впервые, но раньше директор не становился свидетелем потасовок. А в тот раз он лично оттянул меня за шиворот, спасая любимого внука, а после – наказал, не пытаясь хотя бы немного разобраться в ситуации.

Наверное, он, когда исключал меня, думал, что жестоко мстит, ибо школа его позиционировалась как жутко элитная, у неё и номера не было, а только название. Как бы не так! Из элитного там были только должности и зарплаты родителей. Ну, были ещё пара-тройка нормальных, хороших учителей, которые искренне чему-то стремились научить (и по математике научили) и имели свои принципы.

Так что в определённом смысле я благодарен и ему, и его внуку: если бы не они со своим поведением, то далее я мог бы и не попасть в ту школу, до которой этому директору со своей «элитной» как пешком до Юпитера.

Итак, после восьмого класса в обычную школу меня отдавать стало жалко, чтобы я не растратил накопленные за годы учёбы математические навыки. А я математику понимал тогда лучше многих других школьников, какие-то штуки из старших классов знал, это сейчас многое забылось. Но, с другой стороны, опыт с «элитной» школой известен, как закончился. То есть школа не должна была быть «элитной», но уровнем выше среднего. Таких было немного, и одной из них оказалась гимназия.

Я не хочу сказать что-то дурное о других, «обыкновенных» школах: там тоже есть достойные люди. Можно уточнить, что в гимназии концентрация хороших учителей была заметно больше. Но я этого ещё не знал, а основой для выбора у меня была не их квалификация, а общая атмосфера. Я зашёл сюда и понял, что буду дальше учиться именно здесь или не буду вообще.

Но одного озвученного желания не хватало. Следовало выдержать вступительные экзамены по одному из четырёх направлений (своего рода факультетов): математика-информатика – маркировалось буквой «М», химия-биология – «Х», обществознание – «О» и экономика – «Э». Я выбрал направление математики и, соответственно, одним из экзаменов была математика, а ещё физика и русский язык.

Поступление мне мало запомнилось: я ещё избавлялся от остатков впечатлений после восьмого класса. Помню, что все абитуриенты, за некоторым исключением, были незнакомы между собой. Но невзирая на то, что друг друга никто не знал, что родители стращали неве-

роятной конкуренцией за место и наказывали, что ближний твой вовсе не ближний, а соперник, – никто на экзаменах не стеснялся попросить у того ближнего помощи и не боялся сам подсказать или помочь. Я думаю, что многие тогда таким образом успешно сдали ещё и экзамен на товарищество.

Так и началась история нашей группы М-22: М – математика, 22 – порядковый номер выпуска от года основания. Да, именно группы: здесь не было понятия «класс», никаких «9-А» или «10-Б». Сейчас уже не так. Маркировка осталась, но, насколько я знаю, официальной теперь считается традиционная нумерация классов.

Куратором – так здесь назывался классный руководитель – у нас был учитель физкультуры. Иные мои нынешние знакомые, кому я сообщал этот факт, смотрели на меня то с усмешкой, то с недоверием. Оно и понятно, физрук в представлении многих являет собой нечто далёкое как от спорта, так и от педагогики, и часто составляет бандитскую ячейку в паре с трудовиком.

Но сами подумайте, разве могли бы доверить руководство математиками кому попало? Ни в коем случае. Но рассказ о нашем кураторе и об уроках физкультуры ещё впереди, а сейчас я вернусь к первым дням.

Экзамены успешно сдали, списки учащихся утвердили, и перед началом учебного года, как водится, состоялась торжественная линейка. Проводили её тридцать первого августа, и на ней мы, девятиклассники, с ужасом узнали, что завтра, первого сентября, мы уже будем учиться в полную силу. Директор (он же основатель) сказал буквально следующее:

– И первое сентября у нас станет настоящим Днём Знаний!

Сразу за этим он сообщил, что дневников в гимназии не было, нет и заводить их не надо. За такую новость он не только был прощён за учёбу первого сентября, но и мгновенно снискал почёт и уважение.

По окончании линейки нам показали кабинет, ставший потом родным: номер пятый, на первом этаже, угловой. Куратор познакомил нас с учителями математики и физики, провели небольшой классный час, выдали расписание. Всё, как полагается.

С расписанием случилась неожиданность: меньше восьми уроков было, вроде, только в субботу, и тех – шесть. Но мы всё же примерно знали на что шли, а в дальнейшем оказалось, что восемь уроков вовсе не страшно, а иногда даже интересно. Тем более, возможно, ещё в один из дней было семь уроков, а не восемь: я теперь точно не вспомню, а дневника не было. Это, пожалуй, единственное неудобство его отсутствия: я бы сейчас глянул и вспомнил. Но за два десятка лет мог и потерять, если бы вообще заполнял. Так что обойдёмся без дневника, а расписание я составлю сам.

Первый урок. Математика

Как известно, математику в школьной программе с шестого класса делят на алгебру и геометрию и часто так и пишут в расписании. В нашем же расписании указывали именно «математику», без всяких разделений, с расчётом на то, что учитель определит, когда следует провести алгебру, а когда – геометрию. Поэтому и я не буду делить.

Математику нам преподавала Тамара Степановна. Если не ошибаюсь, ей было около шестидесяти лет. Но школьникам люди часто кажутся старше, да и возраст учителя на самом деле совершенно не важен, особенно если есть особый подход к обучению.

У Тамары Степановны такой подход был, и предмет свой она знала и, что немаловажно, любила. В её отношении мне всегда вспоминаются размышления директора, которыми он однажды со мной поделился, уже после выпуска.

Он говорил, что хорошие учителя бывают трёх видов.

Первых он называл лекторами. Они отличные знатоки предмета, занимаются им всю жизнь, иногда имеют учёную степень и расскажут о предмете буквально всё. Но их слабое место в том, что они редко умеют заинтересовать учеников, они могут передать невообразимый объём информации, но им трудно сделать так, чтобы ученики этот объём приняли и переварили. Такие чаще всего встречаются в университетах или там, где ученик готов что-то принимать без уговоров со стороны.

Вторые – учителя. Они умеют не только предъявить своё знание, но и каким-то образом вложить его в головы ученикам.

И третьи – педагоги. Это люди, которые не просто передают академические познания, а ещё воспитывают в учениках волю, культуру, моральные качества, какую-то житейскую мудрость, причём всё это происходит не через занудство и чтение нотаций (иногда не без этого, ученики порой доведут любого учителя), а непосредственно в бодрой учебно-рабочей обстановке. Такие педагоги и есть самые настоящие и правильные.

Так вот, Тамара Степановна, вне всякого сомнения, была из третьих. И слава Богу, иначе мы могли сойти с ума от количества математики: каждый день по два спаренных урока, а раз в неделю и четыре подряд.

А Тамара Степановна сделала даже так, что одни из нас полюбили математику, а другие, по меньшей мере, стали спокойно к ней относиться. Мне довелось встречаться с разными людьми и часто я видел, что многие как будто побаиваются каких-нибудь математических терминов, хотя хорошо учились в школе. Да, люди бывают всякие, есть и с гуманитарным складом ума, в этом нет ничего плохого, на самом-то деле знание или незнание математики не определяет душевные качества. Я о том, что математика часто является для школьников (а потом и для взрослых) неким сверхъестественным предметом, которому либо надо поклоняться, либо избежать его любой ценой.

Возможно, я не беспристрастен, и мне такое отношение иных людей к математике чудится. Но что до негативного отношения школьников к контрольной работе – это уж наверняка. Не знаю, как относятся к ней современные школьники, но в то время контрольная работа для многих равнялась катастрофе, пусть и была она фактически раз в четверть и ещё одна годовая. В день её проведения «заболевали», «минировали» школу, прогуливали и чего только ещё не делали, лишь бы не писать контрольную. Это просто-напросто стало классической ситуацией и часто обыгрывалось в художественной литературе и в кино. А уж внеплановая контрольная могла привести к бунту или к нервному срыву.

Да, и я, и мои одноклассники из М-22 были точно такие же, за некоторым исключением, и придерживались тех же убеждений. Но лишь до поступления в гимназию и знакомства с Тамарой Степановной.

Для нас стало привычно раз в неделю (а то и два!) услышать из уст Тамары Степановны: – Доставайте двойные листочки.

Это означало, что сейчас будет контрольная работа.

И абсолютно нормально воспринимали! Причём сами же удивлялись, и друг мой говорил, что раньше, мол, контрольная – это было нечто особенное, а теперь – будничность. И, понимаете, чувствовалось, что с одной стороны всё правильно, но с другой – такого как бы и не должно быть, но – факт: пишем каждую неделю, причём иногда с интересом.

Со стороны можно подумать, что Тамара Степановна мучила нас контрольными, но мы себя угнетёнными не чувствовали, а где-то и получали удовольствие. Где ещё вы слышали об удовольствии от контрольной? Только в комедии: «Экзамен для меня всегда праздник, профессор!» Ну уж «праздник» – это перегиб, но и не трагедия, как для многих.

Чем же объяснить такое наше отношение к контрольным работам? Конечно, в подходе Тамары Степановны к этому вопросу. До неё все мы (если не все, то большинство) были обычными разгильдяями. Но в чём был её подход? Я не знаю, но догадками поделюсь.

Дело, наверное, в том, что так нам прививалось чувство победы. А пережить его дорогого стоит. Заметьте, я говорю об истинной, посильной победе, которая нужна именно такая, именно здесь и сейчас.

Во многих школах часто делают такие контрольные, чтобы с ними справился и последний двоечник: этикие «читерские», как говорят нынче. Я в какой-то мере понимаю учителей, которые так поступают: у них есть планы и приказы свыше, и порой проще любим (пусть и «читерским») методом выполнить план, чем кому-то что-то объяснить. Но факт в том, что такие контрольные вредны: те, кто делает их в уме, деградируют без более трудных задач, а другие могут занять слишком высокое мнение о своих скудных знаниях. И чаще всего именно таких контрольных, которые может написать каждый, и боятся школьники. Парадокс? Или чувствуют подвох? И разве можно испытать настоящую победу от подобной работы? Вы чувствуете себя победителем, когда на вопрос: «Сколько будет дважды два?» отвечаете: «Четыре!» и вам говорят: «Молодец!»? Да, если вы во втором или третьем классе. Но потом-то одобрение звучит как издевательство, и нет ни грамма победы.

Есть и другая крайность. Бывает, что учитель в рвении своём даёт задачи, за которые страшно взяться, неизвестно с какой стороны, а как возьмёшься – конца-края ей нет. Это лучше, но тоже не слишком хорошо. Можно сказать, что это подготовка к жизни, ибо жизнь порой подкидывает ситуации, которые походя не решишь, но то – жизнь, там другого выхода нет. А учёба должна быть учёбой, а не бесконечным поиском выхода из безвыходных положений. Безусловно, и тут есть победы, вот только пирровы: не приносят они ни удовлетворения, ни желания продолжать, а одну усталость. И в какой-то момент появляется мысль: зачем решать сегодня этот неразрешимый вопрос, если завтра и послезавтра будут такие же, а уже и на сегодняшний никаких сил не осталось? В целом, задачи повышенной сложности тоже нужны, но не как основа, а как лестница на следующий уровень.

Наши же контрольные являли собой золотую середину. Задачки Тамара Степановна подбирала красивые: на первый взгляд бывало очевидно, как их взять: но с одного бока зайдёшь, а там тупик, с другого – тоже, с третьего – в начало возвращаешься, а под тройным ударом задачка и раскалывается. Или, наоборот: ничего, никакой идеи, от безысходности цепляешься за ниточку, которая, кажется, случайно здесь, а она, оказывается, не ниточка, а вполне бикфордов шнур. Неожиданно, красиво и интересно.

Но хватит о контрольных. Перейдём к теории, и к тому, как нам её преподавала Тамара Степановна. Не было такого случая, чтобы Тамара Степановна сказала что-то вроде: «Вот вам формула, выучите её наизусть и будет вам счастье!». Конечно, незыблемые аксиомы приходилось заучивать – а куда деваться? Но таких немного. Почти все школьные математические формулы можно вывести из основных. И мы их выводили. Какие – на уроке, какие – дома.

Замечу, что Тамара Степановна сама, без привлечения кого-то к доске, давала только кардинально новые темы. То есть, мы активно участвовали в изучении теории, а не просто слушали и внимали. Тамара Степановна утверждала, что если мы забудем ту или иную формулу – то сможем её вывести, если уж вывели один раз; и будем знать, что она из себя представляет и нужна ли в данной ситуации. Да и если сам к чему-то приходишь – то и запоминаешь лучше. Опять же, при таком подходе всё становится понятно. Или почти всё. И оно больше не вызывает страха или отторжения, а в запущенных случаях понятую вещь можно и полюбить, и суметь донести до других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.